

ДИАКОН НИКОЛАЙ
Станиславович
Серебряков

доцент кафедры библеистики
богословского факультета
Православного Свято-
Тихоновского гуманитарного
университета

ОСМЫСЛЕНИЕ В ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ ОТЛИЧИЯ ЖИВОТНЫХ ОТ РАСТЕНИЙ

Для христиан традиционным является сопоставление библейского рассказа о творении мира с научными представлениями о мире (неважно, античная ли это наука или современная)*. Основанием этой традиции является вера в то, что и мир, и Писание являются творениями одного Творца и не могут друг другу противоречить (что отразилось в учении о «двух книгах» Божиих: Библии и книге природы²). Действительно, с первых веков истории Церкви христиане находили различные параллели между библейским повествованием и естественнонаучными наблюдениями. Такая традиция сопоставления сохранилась и в XXI веке. Однако при всех многочисленных попытках согласовать книгу природы и Библию все равно остаются разные нестыковки. И хотя всегда есть надежда, что с развитием науки все эти нестыковки разрешатся (как это не раз случалось, особенно в XX веке), сейчас существует множество точек напряжения между текстом Писания и научной картиной мира, что неизменно привлекают к себе внимание. В данной публикации обсуждается одна из таких точек напряжения,

* Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ 21-011-44141 (конкурс Теология) «Феномен жизни в естественных науках и теологии: история и современность».

² См., например: Серебряков Н. С. Концепция «двух книг» в христианской традиции // The Third International Conference «Science and Religion», dedicated to the light memory of the Academician Iveri Prangishvili, Tbilisi, 04–05.11.2014. Reports. Tbilisi, 2014. P. 29–38.

может быть не самая главная и не самая болезненная, но от этого не менее важная.

Прежде, чем перейти к конкретному описанию этой точки напряжения, стоит напомнить, что одним из самых распространенных подходов к сопоставлению библейского Шестоднева с научными представлениями (в Русской Церкви он известен уже с конца XIX века¹) является так называемый «христианский эволюционизм». В рамках этого подхода считается, что эволюционные процессы, которые наблюдаются наукой в природе (и в живой, и в неживой), вполне можно вписать в библейскую картину мира, просто полагая, что эволюция – это механизм, которым Господь творит вселенную и все, что в ней (от звезд до человека). Такой позиции придерживались и придерживаются многие известные христиане, и ученые, и священнослужители (из тех, кто соединял в себе оба вида деятельности еще в советское время, можно назвать хотя бы митрополита Ярославского Иоанна (Вендланда)² и протоиерея Глеба Каледа³).

Несмотря на всю миссионерскую успешность такого подхода (с которым можно идти в ВУЗы и выступать в СМИ), некоторые его детали (особенно, что касается биологической эволюции) у многих христиан вызывают вопросы, что приводит к критике и даже полному отвержению «христианского эволюционизма»⁴.

Одним из самых известных проблемных мест данного подхода является признание смерти и страданий живых существ до грехопадения. Известно, что биологическая эволюция (прослеженная учеными, в первую очередь, по палеонтологической летописи Земли) соверша-

¹ Серебряков Н. С., диак. Отношение русских богословов втор. пол. XIX – нач. XX вв. к теории эволюции Ч. Дарвина // Гуманитарное пространство. 2019. Т. 8. № 5. С. 623–635.

² Иоанн (Вендланд), митр. Библия и эволюция. Ярославль: ДИА-пресс, 1998.

³ Каледа Г., прот. Библия и наука о сотворении мира: Опыт естественно-научного толкования книги Бытия // Альфа и Омега. 1996. № 2/3. С. 16–29; 1997. № 2. С. 34–51.

⁴ С такой критикой особенно выступают православные т. наз. «научные креационисты» (Буфеев К., прот. Православное учение о сотворении и теория эволюции. М.: Русский Издательский Центр имени святого Василия Великого, 2014 и др.). Однако положения «христианского эволюционизма» смущают не только «креационистов» (см., например: Храмов А. Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 84–109; Он же. Теистический эволюционизм и проблема теодицеи // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2019. № 83. С. 26–44; и др. работы этого автора).

ется через смену множества поколений животных. И если предполагать (как это делают «христианские эволюционисты»), что Господь человеческое тело также создал путем длительной эволюции животного мира, то очевидно, что эта приведшая к появлению человека смена поколений животных, которая есть не что иное, как смерть этих поколений, была задолго до человека. И здесь возникает вопрос: а могла ли быть смерть в том самом первоизданном мире, творение которого Богом описывается в первой главе книги Бытия, и состояние которого там характеризуется как «хорошее весьма» (Быт. 1:31)? Ведь согласно традиционным христианским представлениям смерть (причем не только человека, но и вообще всех животных) появилась в мире лишь после грехопадения первых людей. Эти представления основываются на известных словах неканонической книги Премудрости Соломоновой о том, что «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих, ибо Он создал все для бытия» (Прем. 1:13–14), и лишь «завистью диавола вошла в мир смерть» (Прем. 2:24). В рамках же новозаветного канона на это, как кажется, указывает и апостол Павел, говоря, что «одним человеком грех вошел в мир, и грехом – смерть» (Рим. 5:12), и особенно примечательны апостольские слова тоже из Послания к Римлянам, которые обычно относят не только к человеку, но и ко всему творению: «тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее», и она «стенает и мучится донныне», ожидая своего освобождения от рабства тлению (Рим. 8:20–22). Также обращает на себя внимание Божественное разрешение в той же первой главе книги Бытия питаться и людям, и даже животным только растительной пищей (Быт. 1:29–30), что означает отсутствие хищничества в первоизданном мире. С учетом всех этих свидетельств Св. Писания (и соответствующих святоотеческих толкований) и возникает вопрос: как можно говорить о том, что до появления человека животные умирали? Да не просто умирали от старости, а страдали и гибли в расцвете сил в различных природных катаклизмах или просто в зубах хищников, о чем есть большое количество палеонтологических свидетельств¹. Как кажется, все эти фиксируемые наукой бесчисленные примеры гибели живых существ в природе до создания человека не вписываются в христианское представление о прекрасном

¹ См., например: Lomax D. R., Sachs S. On the largest Ichthyosaurus: A new specimen of *Ichthyosaurus somersetensis* containing an embryo // *Acta Palaeontologica Polonica*, 2017. V. 62. № 3. P. 575–584.

первозданном мире. Однако с точки зрения «христианского эволюционизма» смерть и страдания животных в первозданном мире вполне допустима, и существует множество попыток апологии этого взгляда¹.

Здесь не будет обсуждаться то, как представители «христианского эволюционизма» истолковывают указанные сейчас библейские тексты, пытаясь смягчить поставленные критиками вопросы². Это истолкование (а также полемика с таким истолкованием) достаточно хорошо описаны в литературе. В этой работе будет рассмотрен лишь один аргумент «христианских эволюционистов», который представляет собой подход к проблеме смерти животных до грехопадения, можно сказать, «с другой стороны» и связан с общими рассуждениями о том, что, во-первых, вообще есть жизнь, а, во-вторых, что есть смерть в отношении живого существа.

В рамках этого подхода «христианские эволюционисты» акцентируют внимание на том, что к живым существам относятся не только животные, но и растения (а также грибы, одноклеточные организмы и т. д.). А раз так, то указание на дарование Богом растений в пищу людям и животным (Быт. 1:29–30) можно трактовать как библейское признание наличия смерти и страдания в первозданном мире, ведь прекращение жизненного цикла растений (при их употреблении в пищу) для самих растений есть смерть и в определенном смысле страдание³.

При всей оригинальности и остроумности данного аргумента, как кажется, он не устраняет указанную проблему. В этом аргументе делается неоправданное в рамках данного обсуждения обобщение, смешивая все царства живых организмов, в первую очередь, царства животных и растений, разделение которых производилось еще античными натурфилософами и окончательно обосновано в современной биологии⁴. А ведь именно различие царств животных и растений как

¹ Храмов А. В. Теистический эволюционизм и проблема теодицеи. С. 27–35.

² См., например: Цыпин Л., прот. Вселенная, космос, жизнь – три дня творения. К.: Пролог, 2008. 640 с.

³ См., например: Кривовичев С. В., иер. Теологические интуиции в естественных науках: история и современность Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. СПбДА, 2021. С. 179.

⁴ Представители царства растений – многоклеточные автотрофы (организмы, синтезирующие органические вещества из неорганических), животные – многоклеточные гетеротрофы (организмы, которые не способны синтезировать органические вещества из неорганических). У животных есть поведение и психика; у растений их нет. И т. д.

раз является ключевым в споре о наличии или отсутствии смерти в первоначальном мире, т. к. разговор идет в первую очередь о трагичности и неестественности смерти в животном мире, а не об отношении к прекращению жизненного цикла растений (именно потому, что Сам Бог даровал растения в пищу людям и животным).

В этом плане стоит подчеркнуть, что христианские представления о первоначальном мире (в том числе, о наличии или отсутствии там смерти) строятся, в первую очередь, на библейском тексте, а также на святоотеческих толкованиях этого текста. И характерно, что именно в первой главе книги Бытия (где описывается шестидневное творение мира) проводится достаточно четкая граница между растениями и животными, при этом сближая в определенной мере животных с человеком (что оправданно и с биологической точки зрения в плане принадлежности человека к царству животных). Важно, что в церковной традиции толкования это библейское различие животных от растений также осознается и принимается (и даже сопоставляется с представлениями античной натурфилософии).

Как же в первой главе книги Бытия подчеркнута отличие растений от животных? Это видно в следующих моментах:

1) только при описании творения животных (в 5 и 6 творческий день) говорится о том, что Богом сотворена живая душа (Быт. 1:20–25). О душе в отношении растений ничего не говорится;

2) именно творение животных как самых первых организмов, имеющих душу живую, подчеркивается в Быт. 1:21 вторым случаем употребления в тексте Шестоднева еврейского глагола «бара» («сотворил»). По мнению многих библеистов XIX–XXI вв., трехкратное использование этого глагола («бара») в первой главе книги Бытия (Быт. 1:1, 21, 27) указывает на ключевые моменты в формировании вселенной: сотворение первой материи, сотворение первой живой души и сотворение первого тварного разума (человека)¹. Растения в этот список ключевых моментов не попали, видимо, относясь пусть и к новому этапу, но этапу формирования все той же материи;

3) только животным (как потом и человеку, Быт. 1:28) Господь дал

¹ См., например: Богородский Я. А. Начало истории мира и человека по первым страницам Библии. Казань: Центр. тип-я, 1906. С. 90–91. Грилихес Л., прот. Древнееврейский глагол бара «сотворил»: опыт богословской интерпретации // Альфа и Омега, 2006. № 47. С. 21–27.

благословение плодиться и размножаться (Быт. 1:22), тогда как в отношении растений это не было сказано;

4) отделение животных от растений в первой главе книги Бытия ярко проявляется как раз в том, что растения по повелению Божию становятся пищей как людям, так и животным (Быт. 1:29–30).

Также стоит отметить Божье благословение человеку на животную пищу уже после Потопа (Быт. 9:3). Казалось бы, теперь в этом плане животные уравниваются с растениями, также став пищей человеку. Однако обращает на себя внимание запрет вкушения крови: «только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт. 9:4). Как бы ни понимать соотношение души и крови, этим запретом подчеркивается то, что известно из текста первой главы книги Бытия – душа является отличительным свойством животных, и это необходимо учитывать при употреблении животных в пищу, чего не требуется при использовании в пищу растений.

Принимая во внимание все эти указания Писания, церковные толкователи также последовательно отделяют животных от растений. Приведем некоторые примеры. Так, свт. Василий Великий в известных Беседах на Шестоднев при толковании Быт. 1:20 говорит: «Теперь в первый раз создается животное одушевленное и одаренное чувством. Ибо растения и деревья, хотя им приписывается жизнь, как имеющим питательную и растительную силу, еще не животные и не одушевленные твари»¹. Здесь видно, что свт. Василий прекрасно знает о том, что, согласно античной натурфилософии, растения относятся к живым существам², однако для него важно не это общее понятие, но такое указанное в Библии свойство как одушевленность твари и наделенность ее чувством. Именно этим, по словам свт. Василия, животные отличаются от растений.

¹ Василий Великий, свт. Беседы на Шестоднев, 7.1 // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. Т. 1. М.: Сибирская благовозвонница, 2008. С. 399.

² Ср.: «Все, что причастно жизни, по всей справедливости и правде может быть названо живым существом... безусловно, оно [растение] живет и являет собой не что иное, как живое существо» (Платон. Тимей, 77b / пер. С. С. Аверинцева // Платон. Сочинения: в 4-х т. Т. 3. Ч. 1. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 568); «мы утверждаем, что нечто живет и тогда, когда у него наличествует хотя бы один из следующих признаков: ум, ощущение, движение и покой в пространстве, а также движение в смысле питания, упадка и роста. Поэтому, как полагают, и все растения наделены жизнью» (Аристотель. О душе. 2, 2 / пер. П. С. Попова, исправл. и допол. М. И. Иткиным, с примеч. А. В. Сагадеева // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 396–397).

Об отсутствии души у растения категорически заявляется и в такой значимой для восточного христианства антологии как «Добротолюбие», где приводятся слова, приписываемые прп. Антонию Великому (хотя, видимо, они принадлежат другому автору – Антонию Мелиссе¹, жившему в Византии в кон. XI–XII в.): «Растения имеют жизнь физическую, но души не имеют. <...> Прочие же животные – земные и воздушные, у которых есть голос, имеют дыхание и душу. Все растущее и умаляющееся можно назвать живым потому, что живет и растет, но нельзя сказать, чтоб все такое имело душу. Живых существ четыре различных вида: одни из них бессмертны и воодушевлены, каковы Ангелы, другие имеют ум, душу и дыхание, каковы люди; иные имеют дыхание и душу, – каковы животные; а иные имеют только жизнь, – каковы растения. Жизнь в растениях держится и без души, и без дыхания, и без ума и бессмертия».² Очевидно, что и этот автор хорошо знает и использует античную естественнонаучную традицию, но, как и свт. Василий Великий, более важным считает свидетельство Св. Писания об отсутствии у растений души.

Но все же стоит отметить, что некоторые св. отцы признавали душу и у растений. Как ни странно, так считал родной младший брат свт. Василия Великого – свт. Григорий Нисский. В известном труде «Об устройении человека» он пишет: «Как о том, что рождается и растет, говорим, что оно живет, так и о всяком существе, которое причастно жизни и естественного движения, никто не скажет, что оно неодушевлено»³. Однако здесь он скорее не толкует текст Св. Писания, а лишь пересказывает известное натурфилософское мнение⁴. Ви-

¹ Дионисий (Шленов), игум., Родионов О. А. Добротолюбие // ПЭ. 2007. Т. 15. С. 495; Иванов И., свящ. Философские аллюзии в византийской аскетической письменности (анализ «Наставлений о доброй нравственности и святой жизни, в 170-ти главах» преподобного Антония Великого) // Труды кафедры богословия СПбДА. 2019. № 1 (3). С. 121–139.

² Антоний Великий, прп. Наставления о доброй нравственности и святой жизни в 170 главах. Гл. 166 // Добротолюбие: в 5 т. Т. 1. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 86-87.

³ Григорий Нисский, свт. Об устройении человека, 30. Из близких к нам по времени святых признавал душу у растений, например, свт. Феофан Затворник (Письмо 264 // Феофан (Говоров), еп. Собрание писем. Вып. 2. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1898. С. 108–109. Репр.: М.: Правило веры, 2000).

⁴ Ср.: «начало [жизни] в растениях также есть некая душа: ведь оно единственное, что обще животным и растениям» (Аристотель. О душе. 1, 5 // Там же. С. 393); «мы утверждаем, что одушевленное отличается от неодушевленного наличием жизни» (Аристотель. О душе. 2, 2 // Там же. С. 396).

димо, свт. Григорий, как и многие другие св. отцы, старается (если это нужно для утверждения веры) творчески соединить богословие и естествознание своего времени.

Но и он указывает на явное отличие животных от растений (впрочем, опять же вполне следуя тому же Аристотелю¹), которое состоит в наличии чувств у животных: «Есть только некая сила растительная и питательная: приемля годное к приращению питаемого, называется она естественной и усматривается в растениях, потому что и в произрастающем можно примечать некую жизненную силу, лишённую чувства. Но, кроме этого, есть другой вид жизни, которому принадлежит и первый, и к нему присоединена способность управлять собою по чувству. Такова жизнь в естестве бессловесных. Они не только питаются и растут, но имеют чувственную деятельность и чувственное понимание»².

Таким образом, в церковной традиции (на основании Св. Писания) четко отделяются растения от животных, т. к. только животные обладают душою или, по крайней мере, чувствами. Интересно, что практически в тех же терминах (хотя, конечно, с более конкретным их наполнением) определяется отличие животных от растений и в современной биологии: только животные характеризуются наличием психики (от греческого слова ψυχή, «душа»), проявлением которой является такое свойство, как чувствительность (способность реагировать на биологически нейтральные воздействия). У растений же нет чувствительности, а установлена лишь раздражимость (т. е. способность реагировать лишь на биологически значимые воздействия)³.

Как представляется, указанное библейское различие растений и животных является определяющим при разговоре о наличии или отсутствии смерти и страданий до грехопадения. Тот аргумент, что растения, являясь живыми организмами, употреблялись в пищу в первоизданном мире, а значит смерть и страдания были и до грехопадения и даже заложены Богом в бытие мира, не попадает в цель, т. к. понятие

¹ «... животное впервые появляется благодаря ощущению; в самом деле, и такое существо, которое не движется и не меняет места, но обладает ощущением, мы называем животным, а не только говорим, что оно живет» (Аристотель. О душе. 2, 2 // Там же. С. 397).

² Григорий Нисский, свт. Об устройении человека, 8.

³ См. например: Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. М.: АСТ, 2016. С. 183–184.

смерти и страданий более корректно применять к одушевленным и обладающим чувствами существам, т. е. к животным. А о смерти и страдании животных в первоизданном мире, как уже упоминалось ранее, ничего в Св. Писании не говорится.

Поэтому проблема смерти и страданий в мире до грехопадения требует своего дальнейшего осмысления, а позиция «христианского эволюционизма» по-прежнему остается скомпрометированной с точки зрения церковного мировоззрения.